

---

УДК 7.032(38)

*Гудимова С.А.* ©

## **АПОЛЛОН-СМИНФЕЙ (МЫШИНЫЙ)**

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,  
Москва, Россия*

*Аннотация.* В статье рассматриваются ипостаси Аполлона доолимпийского периода, а также образ Аполлона-Сминфея (Мышиного) в интерпретации Максимилиана Волошина.

*Ключевые слова:* Аполлон – убийца – мститель; Аполлон – Таргелион, солнечный бог олимпийского периода; Аполлон Мышиный.

*Gudimova S.A.  
Apollo-Smepa (Mouse)*

*Institute of Scientific Information for Social Sciences  
of the Russian Academy of Sciences*

*Abstract.* The article deals with the hypostases of Apollo before the Olympic period, as well as the image of Apollo-Smepa (Mouse) in the interpretation of Maximilian Voloshin.

*Keywords:* Apollo – the killer – the avenger; Apollo – Targelion, the solar god of the Olympic period; Apollo the Mouse.

Хорошо известны ипостаси Аполлона олимпийского периода: Аполлон Мусагет – водитель Муз, Мойрагет – пророк и оракул, «водитель судьбы», Хоромедон – повелитель времени и бог часов, он блюститель космической гармонии, бог всех сил, творящих образами, покровитель искусств, позднее отождествлялся с солнцем – Феб. Кроме того, Аполлон Номий – пастух и охранитель стад, он целитель (Акесий), заступник (Простат), «отвратитель зла» (Алексикакос). В европейской культуре Аполлон традиционно предстает как прекрасный златокудрый юноша с кифарой в руках.

Однако в доолимпийский период образ Аполлона был иным. Первым впечатлением от этого бога были у всех только ужас и оостолбенение. Этот ужас испытывала вся природа, все женщины и мужчины и даже боги и весь Олимп. Когда Лето собиралась родить Аполлона, то ни одна земля не хотела ее принять, испытывая трепет перед грозным богом, который должен родиться. В ужасе трепетал также и Делос; и если он согласился, то только после страшной клятвы Лето, что Аполлон не сделает ему ничего плохого, но учредит на нем свое святилище. Когда Аполлон пришел в Криссу и наполнил ее своим сиянием, –

...громко вскричали  
Жены крисейцев и дочери их в поясах многоценных  
От Аполлонова взблеска. И ужас обнял их великий.

[Цит. по: 2, с. 460]

Когда Аполлон явился аргонавтам во всей своей красе, путешествуя из Ликии к гиперборейцам, с развевающимися волосами, потрясая землей и морем, то аргонавты –

Как увидали [его], всех ужас обнял несказанный. Не смели  
Прямо на бога глядеть, в его дивные очи, но долу,  
В землю глаза опустивши, стояли. По воздуху к морю  
Мимо прошел он, от них в отдаленье.

[Цит. по: 2, с. 460]

После того как Аполлон объявил на Делосе о начале своих пророчеств, –

...все же богини  
Остолбенели. И весь засиял, словно золотом, Делос.

Аполлон ужасает и всю олимпийскую семью (Нумн. Hom. I 1–4):

«Вспомню, – забыть не смогу, – о метателе стрел Аполлоне,  
По дому Зевса пройдет он – все боги и те затрепещут.  
С кресел своих повскакавши, стоят они в страхе, когда он  
Ближе подступит и лук свой блестящий натягивать станет».

Не страшится Аполлона только его мать Лето.

Наиболее древний Аполлон выступает во всякого рода внезапных и неожиданных убийствах. В рассказе о чудесном острове Сире Одиссей (Од. XV 403–411) упоминает о том, что Аполлон с Артемидой тихо и безболезненно убивают там своими стрелами стариков. Правда, эти убийства преподносятся как милость Аполлона и Артемиды для стариков, чтобы они не болели. Но Аполлон – вовсе не из тех божеств, которые отличаются милосердием, состраданием и какими-нибудь милостями. Наоборот, это очень холодное и бессердечное божество. Но даже если и видеть здесь милосердие, то внезапность и полная неожиданность такого «милосердия» переживалась как нечто роковое. Кроме того, сохранилось много текстов о внезапных нападениях Аполлона. Например, Аполлон ни с того ни с сего убивает на брачном пире Рексенора, брата Алкиноя и отца АРЕты, и Гомер ничего не говорит о мотивах этого убийства (Од. VII 64–66). Гекуба у Гомера (Ил. XXIV 757–759) в своем обращении к убитому Гектору тоже предполагает ничем не мотивированные убийства Аполлона:

*Ты же у меня, как росою омытый, покоишься в доме,  
Свежий, подобный смертному, которого Феб сребролукий  
Легкой стрелою своей налетевшей внезапно сражает.*

Когда Менелай со своей дружиной возвращался домой из-под Трои и когда, казалось бы, уже миновали все ужасы войны и невзгоды на путях возвращения (Од. III 279 и сл.), –

*Вдруг Менелаева кормилица Феб-Аполлон невидимо  
Тихой своею стрелой умертвил.*

Хорошо известен миф о Ниобе, которая осмеливалась сравнивать себя с Лето и даже ставить себя выше ее, поскольку у нее было

12 детей, а у Лето только двое. Возмущенный такой дерзостью Аполлон застрелил шестерых ее сыновей, а его сестра Артемида – шестерых ее дочерей. Ниоба от горя превратилась в скалу. Муж Ниобы Амфион, желая отомстить Аполлону, напал на его храм, но тоже был им убит.

В Троянской войне Аполлон-стреловержец помогает троянцам, и его стрелы девять дней несут чуму в лагерь ахейцев. Он незримо участвует в убийстве Патрокла Гектором и Ахилла Парисом.

Аполлон убивает всех, кто бросает ему вызов в музыкальных состязаниях – сдирает шкуру с сатира Марсия, безжалостно расправляется с музыкантом и певцом Лином, который жил в одной из пещер на Геликоне. Скорбь по Лину распространилась по всему миру, и песни о его страданиях пели не только греки, но и египтяне. Горестная судьба Лина стала темой жалобных песен (первоначально Лин называлась скорбная песнь об умершем) и френов, исполнявшихся во время ритуального действия в честь Лина.

Образ Аполлона неразрывно связан со временем и календарными праздниками. Как известно, календари были разные в разных греческих государствах. Аттический год начинался летом, а именно с первого новолуния после летнего солнцестояния, т. е., по нашему счету, с конца июня. Первый месяц года, Гекатомбеон (июль – август), был посвящен Аполлону. Второй месяц (август – сентябрь) назывался Метагейтион, т.е. Соседский, и тоже посвящался Аполлону. Третий месяц аттического календаря, Боэдромион (сентябрь – октябрь), опять-таки посвящался Аполлону. Четвертый месяц аттического календаря, Пианепсион (октябрь – ноябрь), тоже был посвящен Аполлону. И здесь отмечалась связь Аполлона с плодородием, со сбором осеннего урожая и вообще с борьбой против стихийных сил природы. В честь Аполлона варились разнообразные овощи (откуда и самое название месяца – «бобоварение» или, точнее, «варка смеси плодов») (*ryanion* – «смесь плодов, которая варится в сахаре»). Приготовлялись так называемые иресионы, т. е. оливковые или лавровые ветви, обвитые шерстью и увешанные разными плодами и сосудиками с маслом, медом и вином. Они приносились в храм Аполлона и выставлялись у дверей домов. Панспермия и иресиона, конечно, были прежде всего символом обилия и победы над природой, знаком владения ее производительными силами. Характерно, что это объединилось в данном

месяце с воспоминаниями о Тезее и его победе над Минотавром, что тоже символизировало победу над стихией. Только с пятого месяца, т.е. с наступлением холодов, Аполлон мыслился ушедшими в гиперборейскую страну, откуда он не возвращался до весны. Зимние месяцы посвящались Зевсу, Посейдону, Гере, Дионису. И только с Элафеболиона (март – апрель) начиналось воспоминание об Артемиде, но Аполлона все еще не было. Мунихион (апрель – май) тоже посвящен Артемиде, но уже с большой примесью аполлоновских элементов. 6-го Мунихиона праздновались чисто аполлоновские Дельфинии в связи с открытием навигации и в память отъезда Тезея на Крит. Одиннадцатый месяц года, Таргелион (май – июнь), уже целиком посвящается Аполлону, одно из наименований которого – Аполлон Таргелий. Он представлял богом лета и летней жатвы, заботящимся о плодородии. Таргелий особенно был распространен в Ионии. В этом месяце Аполлону приносились начатки плодов. Месяц этот значился и в календарях других государств. Таргелий праздновался в Фивах, Милете, Микенах.

Существовал такой обычай: 6-го Таргелиона брали двух преступников (иногда мужчину и женщину), вешали им на шею гирлянды смоквы и под звуки флейт гнали вокруг города к определенному месту на морском берегу. Их называли фармаками. Вначале это было самой настоящей человеческой жертвой, приносившейся Аполлону ради его умилостивления и ради очищения людей. Этих двух людей сжигали, а их пепел бросали в море. Когда человеческие жертвы прекратились, обычай этот получил уже только символическое значение, потому что бросаемых в море людей тут же спасали. Слово «таргелиос» значит «горшок со священным варевом» от thereingen – «нагревать землю» Thargelos – это свежеиспеченный хлеб из первого помола. Таким образом, плодородие выдвигается на этих праздниках на первое место. Ритуал с фармаками совершался ради очищения всего народа (избавление от чумы тоже играло не последнюю роль). Человеческие жертвы приносились на Таргелиях не только в Афинах. Сервий в комментариях к «Энеиде» (III 57) сообщает, но без указания на Аполлона, что ради избавления от чумы в Массилии приносился в жертву человек, которого предварительно украшали и водили по городу. Плутарх говорит о том же обычae в Эритрее и в Магнезии.

Таким образом, из всего аттического года Аполлону было посвящено по крайней мере пять месяцев, если не считать отдельных праздников и обычаяев.

На стадии олимпийской мифологии в этом мрачном божестве, с его властью над жизнью и смертью, выделяется определенное устойчивое начало, из которого вырастает сильная гармоничная личность великого бога эпохи патриархата. И его рождение описывается совершенно иначе:

*Феб-Аполлон, повелитель, прекраснейший между богами,  
Только лишь на свет тебя мать Лето родила  
Близ круговидного озера, пальму обнявши руками, –  
Как амвросический вдруг запах широко запил  
Делос бескрайний, Земля-великанша светло засмеялась,  
Радостный трепет объял море до самых глубин.*

[Цит. по: 2, с. 407]

Он помогает людям, учит их мудрости и искусствам, строит им города, охраняет от врагов, возвещает в Дельфах волю верховного бога Зевса. В Дельфах совершались праздники в честь Аполлона – теофании, теоксении, Пифийские игры (в честь победы Аполлона над Тифоном), которые по своему блеску и популярности уступали лишь Олимпийским играм. Зооморфные и растительные его черты отступают на второй план. Он уже не лавр, но он любит Дафну, ставшую лавровым деревом. Он не кипарис и гиацинт, но любит прекрасных юношей Кипариса и Гианкинфа. Он не мышь и не волк, но повелитель мышей и избавитель от волков.

У Аполлона много ипостасей. Максимилиан Волошин [1] напоминает, что в первых строках «Илиады» есть обращение к Аполлону-Сминфею – Аполлону Мышиному. (В период архаики Аполлон мог как напустить мышей погубить весь урожай, так и спасти от нашествия этих грызунов.) Известна статуя Аполлона работы Скопаса. Солнечный бог олимпийского периода изображен наступившим пятой на мышь. (Статуя находилась в малоазиатском городе Хризе, известна по изображениям на монетах.) Есть сведения, что в некоторых городах под алтарями Аполлона жили прирученные белые мыши, а на острове Крите их изображение стояло рядом с жертвенником бога.

Мышь – не постоянный спутник Аполлона, как змей или лавр. Как же понять эту таинственную связь маленького серого зверька с сияющим и грозно-прекрасным богом? Как разгадать эту загадку мыши?

М. Волошин обращает свое внимание на то, в какие моменты душевных состояний появляется образ мыши в произведениях аполлонийских поэтов.

Самому ясному и аполлоническому из русских поэтов А.С. Пушкину во время бессонницы слышится: «Парки бабье лепетанье, жизни мышья беготня...» (Стroки из «Стихов, написанных ночью во время бессонницы», 1830).

У Бальмонта в стихотворении, написанном тоже во время бессонницы, есть такие строки:

*В углу шуршали мыши,  
Весь дом застыл во сне.  
Шел дождь, и капли с крыши  
Стекали по стене.  
Шел дождь унылый, вялый,  
И маятник стучал,  
И я душой усталой  
Себя не различал.*

Там, где прекращается непрерывность аполлонического сна и наступает свойственное бессоннице горестное замедление жизни, поэт чувствует близкое и ускользающее присутствие мыши. Именно во время бессонницы, как маленькая трещинка в светлом и стройном Аполлоновом мире, появляется мышь. Во время бессонницы, когда напряженное ухо более чутко прислушивается к малейшим шумам ночи, так естественно слышать тонкий писк, шорох и беготню мышей.

Но их таинственность неожиданно подчеркивается тем непобедимым священным ужасом, который у многих вызывает одно присутствие мыши. Страх мышей представляет одну из удивительных загадок человеческой души [1].

Этот ужас реально связывает нашу душу с такими древними страхами, память о которых сохранилась лишь в виде почти стертого, почти потерянного смысла символа. Этот ужас не основан ни на чем реальном, ни на чем разумном. В нем нет ни сознания опасности, ни отвращения к безобразию формы.

Ницше определяет аполлонийскую стихию как стихию сновидения, противопоставляя ее дионисийской стихии опьянения. «Мир Аполлона, – пишет М. Волошин, – это прекрасный сон жизни; жизнь прекрасна, лишь поскольку мы воспринимаем ее как свое сновидение; и в то же время мы не имеем права забыть о том, что это только сновидение, под страхом, чтобы сновидение не превратилось в грубую реальность. Таким образом, душа, посвященная в таинства аполлонийской грэзы, стоит на острие между двух бездн: с одной стороны, грозит опасность поверить, что это не сон, с другой – опасность проснуться от сна. Пробудиться от жизни – это смерть, поверить в реальность жизни – это потерять свою божественность» [1, с. 98].

Хорошо это выразила Марина Цветаева:

«О мир! Пойми! / Певцу во сне открыты закон звезды и формула цветка...»

Аполлонийская мудрость требует отдаваться всецело текущему мгновению и в то же время не терять душевного равновесия, когда одно мгновение сменяется новым, стирающим предыдущее, любить все мгновения своей жизни одинаково сильно, предпочитая всем прошедшим и будущим текущее мгновение.

Можно сказать, что аполлонический сон покоится на дне мгновения, и каждая смена мгновений нарушает его, отмечает Волошин. Способность пророчественного видения неразрывно связана с углублением в мгновение. И если правильно предположение о том, что мышь в Аполлоновых культурах – знак убегающего мгновения, то с мышью должны быть соединены мифы о прорицаниях и оракулах.

И действительно Плиний Младший говорит, что греки называли мышь самым пророчественным из всех зверей. В быстром убегающем движении маленького серого зверька греки видели подобие вещего, ускользающего и неуловимого мгновения, тонкой трещины, всегда грозящей нарушить аполлоническое сновидение, которое в то же время лишь благодаря ей может быть осознано.

И как только станет понятно символическое значение этого быстрого, страшного и таинственного, глазом еле уловимого движения ускользающей мыши, станет и понятен другой загадочный образ.

«Время – вечность, напряженная и вечно движущаяся сфера внутренних интуитивных чувствований, которая нашему логическому сознанию представляется огромной горой тьмы и хаоса, потрясается до

основания, и из трещины рождается бесконечно малое мгновение – мышь. Гора рождает мышь так же, как вечность рождает мгновение. Каждое мгновение является неуловимой трещиной между прошлым и будущим» [1, с. 101].

Таким образом, мышка-пророчица, изваянная под пятой Аполлона, мышь, беготню которой во время бессонницы слышали и Пушкин, и Бальмонт, и Верлен, мышь, которая внушиает безотчетно-стихийный ужас многим людям, – не что иное, как олицетворение убегающего мгновения. В ней сосредоточены та непримиренность и грусть, которые лежат на самом дне Аполлонова светлого сна, отмечает М. Волошин.

Горькое сознание своей мгновенности таится в глубине аполлонического духа. Каждая великая радость таит на дне своем грусть. Более того, вся полнота аполлонийской радости постигается лишь тогда, когда ей сопутствует грусть. Об аполлонийской грусти можно говорить с таким же правом, как об аполлонийской радости [1].

Греки верили, что несокрушимая власть Аполлона таится в той творческой силе, что всегда дает новый росток. Сила Аполлона – в стройном согласии девяти муз. Греки верили, что бессмертие – не в отдельных произведениях искусства, а в силе, их созидающей. Гениальность – не достояние смертного человека, она – откровение солнечного бога.

### **Список литературы**

1. Волошин М. Аполлон и мышь // Волошин М. Лики творчества. – Л.: Наука, 1989. – С. 96–111.
2. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. – М.: Мысль, 1996. – 975 с.
3. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. – М.: Энциклопедия, 1991. – Т. 1. – 671 с.

### **References**

1. Voloshin M. Apollon i mysh' // Voloshin M. Liki tvorchestva. – L.: Nauka, 1989. – S. 96–111.
2. Losev A.F. Mifologiya grekov i rimlyan. – M.: Mysl', 1996. – 975 s.
3. Mify narodov mira. Enciklopediya: V 2 t. – M.: Enciklopediya, 1991. – T. 1. – 671 s.